

Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии

Л.А. Мамлеева,

Украинская Академия искусств, Киев

Система торговых трасс древности и средневековья, связывавшая страны Запада со странами Востока, известна под названием Великого шелкового пути. Проблеме его сложения и функционирования, характера перевозимых по нему в разные эпохи товаров посвящена обширная литература. Накопленный исторической наукой материал позволил дифференцированно подойти к освещению роли отдельных региональных центров в осуществлении торговых контактов, выявить ассортимент товаров, пользовавшихся спросом, а так же конкретизировать некоторые проблемы, связанные с направлениями торговых коммуникаций. Менее изучен, на наш взгляд, вопрос о роли Великого шелкового пути в культурном взаимодействии народов Евразии. И практически неосвещенной является проблема его значения в установлении и функционировании структуры глобального взаимодействия в эпоху поздней древности и на протяжении всего средневековья. Структуры, охватывавшей цивилизации, кочевые народы и племена от Европы до Китая, от Индостана до Урала и Сибири.

Формирование этой трансевразийской коммуникационной системы началось задолго до рубежа эр. Уже в III тыс. до н.э. известны пути из Месопотамии и Элама в долину Инда и предгорья Памира, откуда в страны Ближнего Востока перевозился бадахшанский лазурит. Путь от месторождений Бадахшана на Запад проходил через северные предгорья Иранского плато к городам Двуречья - Уру, Уруку, Кишу, Лагашу. Южным был караванный путь из Двуречья в долину Инда к центрам цивилизаций Хараппы и Мохенджо-Даро. Как показал Дж. Р.Алден, державшие в своих руках торговлю между Двуречьем и культурными центрами долины Инда эламиты в IV - III тыс. до н.э. создали на Среднем Востоке разветвленную сеть коммуникаций с системой узловых протогородских и раннегородских центров [Alden J.R., 1982]. В северном направлении один из маршрутов достигал Приаралья (в пределах будущего Хорезма). Предполагается, что через этот район осуществлялись поставки лазурита во внутренние области Центрального Казахстана, а так же в Ферганский и Ташкентский оазисы [Ширинов, 1990, с.4-9]. Возможно, роль посредников в этих контактах выполняли пастушеские племена бронзового века, которые с появлением кочевого скотоводства во второй половине II тыс. до н.э. начинают втягиваться систему товарообмена между областями Средней Азии, Южной Сибири и Приуралья. Их участие увеличивало возможности осуществлять обмены полезными ископаемыми, драгоценными и полудрагоценными камнями на большие расстояния. Племена, заинтересованные в получении сырья становились, в конечном счете, звеньями "лазуритовой цепи". В сер. I тыс. до н.э. объем перевозок становится весьма значительным, если учесть данные письменных источников. Н.Б.Янковская,

анализируя экономическое состояние Ассирийской державы, приводит весьма любопытный факт: в VIII ст. до н.э. Тиглатпаласар III вводит налог с подвластных Ассирии областей, размер которого соответствовал девяти тоннам лазурита [Янковская, 1956, с.33]. Подобные цифры, на наш взгляд, могут свидетельствовать, как об имевшей место потребности в камне, так и о налаженной практике добычи и транспортировки его на большие расстояния.

Параллельно с "лазуриковым" в древности функционировал и "нефритовый" путь. В литературе упоминается несколько месторождений нефрита, откуда этот камень поступал в Китай. Первое - в Прибайкалье и Восточных Саянах и в этом случае путь должен был пролегать через Монгольские степи, второе - хотанское месторождение в верхнем течении р.Яркенд, упоминаемое китайскими источниками доханьского времени. Чжан Цянь, посетивший Центральную Азию в 140-130 г.г. до н.э. отметил, что добыча и отправка этого камня в Китай началась задолго до его поездки. Китайский источник "Гуань-цзы" отмечает, что посредниками в торговле нефритом выступают юэцжи, вплоть до III ст. до н.э.. контролировавшие территории Восточного Туркестана [Лубо-Лесниченко, 1994, с.213].

По мнению Шефера Э., хотанский нефрит уже с неолитического времени играл важную роль в культуре Китая и употреблялся главным образом для изготовления ритуальных и магических предметов. Вплоть до ханьского времени существовала вера в царя - шамана, который с помощью скипетра из зеленого нефрита вызывал появление дракона-дождя [Шефер, 1981, с. 296-297]. Исследователи отмечают, что во второй половине II тыс. до н.э. хотанский нефрит уже ввозился в Китай. В захоронении Фу Хао в Аньяне было обнаружено около семисот изделий, изготовленных из хотанского нефрита, которые датируются XIII-XII ст. до н.э. Интересным представляется тот факт, что большинство китайских находок из нефрита относится к чжоусскому и раннеханьскому времени. Е.И. Лубо-Лесниченко в этой связи указывает на западное происхождение чжоусцев, которые, по-видимому, не прерывали связей с населением Восточного Туркестана [Лубо-Лесниченко, 1994, с.212]. В этой плоскости, очевидно необходимо рассматривать проблему взаимоотношений Китайской цивилизации с кочевыми племенами Центральной Азии и северных по отношению к Китаю степных областей Монголии. Достаточно вспомнить гипотезу Л.С. Васильева об участии в формировании Шань-Иньского государства скотоводческих племен, вероятно индоевропейского происхождения, которые перенесли по степному поясу Евразии с запада на берега Хуанхэ бронзолитейное производство, коневодство и боевую колесницу [Васильев, 1998, с.179,181]. В Диенской культуре верхнего течения р.Янцзы (IV ст. до н.э.) проявились черты всаднической культуры Центральной Азии. Примером может служить множество бронзовых скульптур, выполненных аналогично звериному евразийскому стилю [Деопик, 1979, с.62-67]. Вероятно, по традиционным путям миграций кочевых племен осуществлялся перенос технических изобретений, культурных воззрений и естественно - товаров для обмена и торговли. Вполне очевидно, что средневековая система Шелкового пути, на всем его протяжении с запада на восток, явилась результатом

столетиями наработывавшегося опыта обменно-торговых контактов представителей оседлых и скотоводческих народов. И народы степных пространств Евразии, бесспорно, принимали в этом участие.

Не позже II тыс. до н.э. один из торговых путей из Ферганы вел к Уралу и Поволжью через Казахстанские степи. Находки Пазырыкских курганов на Алтае и в Минусинской котловине дали основания Руденко С.И. предположить, что середина I тыс. до н.э. была временем интенсивных обменов племен Южной Сибири по пути, названному в средневековое время Кыргызским [Руденко, 1962, с.39]. Установлено, что шелк из Пазырыка - китайского происхождения. По предположению Лубо-Лесниченко, южнокитайское царство Чу (совр. провинция Аньхой) в VI-III ст. до н.э. было поставщиком в Южную Сибирь таких предметов роскоши, как: шелк, вышивки, бронзовые зеркала.

С древности нити товарообмена протягиваются от Восточной Азии к центральноазиатскому, среднеазиатскому и юго-восточноазиатскому регионам. Уже в середине II тыс. до н.э. шелк через Восточный Туркестан проникает на территорию Средней Азии. На городище Сапаллитеп (юг Узбекистана), датированном 1700-1350 г.г. до н.э., были обнаружены фрагменты шелковых тканей [Аскарлов, 1973, с.173-174]. Материальные свидетельства о наличии шелковых тканей в Северной Индии восходят к концу II тыс. до н.э. [Gulati, 1961, p.55-57]. Помимо изделий из шелка, необходимо так же обратить внимание на важный археологический источник, свидетельствующий о развитии опосредованных торговых связей между Востоком и Западом во второй половине I тыс. до н.э. Речь идет об изделиях из стекла, центр производства которых, начиная со II тыс. до н.э., находился в Восточном Средиземноморье. Ближневосточные бусы, изготовленные из прозрачного стекла и фрагменты стеклянных браслетов были обнаружены в могильниках сакского времени (середине I тыс. до н.э.) на Южном Памире [Абзураков, Безбородов, Заднепрвский, 1963, с.78-79]. На территории Китая находки западных привозных бус датируются VI-III ст. до н.э. [Лубо-Лесниченко, 1994, с.21]. Наличие в указанных алтайских памятниках ахеменидского импорта (ковров, изделий из шерсти и др.) демонстрирует развивающиеся к середине I тыс. до н.э. контакты с ближневосточным миром. Ахеменидские правители много внимания уделяли развитию торговых связей. Несколько караванных дорог, связывали отдаленные центры персидской империи: одна начиналась в Лидии, через Малую Азию вела к Вавилону. Вторая - из Вавилона к Сузам и далее к Персеполю. Третья соединяла Вавилон с Экбатанами и продолжалась до Бактрии и северо-индийских территорий. Не прерывались обмены Ближнего Востока с народами, населявшими всю полосу восточного и южного средиземноморья: из Египта и Сирии вывозились квасцы для отбеливания шерсти и производства стекла. Египет поставлял золото и слоновую кость, Ливан - кедровое дерево. В Малой Азии вавилонских купцов интересовала медь, олово, строительный лес и полудрагоценные камни. Индия славилась золотом и слоновой костью, Согдиана - лазуритом, а Хорезм - бирюзой [История Востока, 1997, с.301]. Стремление увеличить прибыль вело к расширению товарообмена, но это было бы нереально без функционирования

инфраструктурных связей, поддерживаемых, в конечном счете, государством. Политические институты выступают своеобразными гарантами мира и относительной безопасности торговых мероприятий. Итак, первое соприкосновение Востока и Запада, предполагающее обмен техническими знаниями, идеями, а также языковое и литературное взаимообогащение произошло во времена процветания Ахеменидского государства. Ближний Восток еще не вышел на прямые контакты с Дальневосточно-Тихоокеанским регионом, однако уже весьма отдаленные районы Центральной и Средней Азии включились в систему опосредованных торгово-культурных отношений.

К V ст. до н.э. усиливает свой экономический и политический потенциал Античная греческая цивилизация. Желание греков утвердить свое влияние в малоазийском регионе могло быть одной из причин греко-персидских войн. Победа греков в войне, тем более отступление отряда греческих наемников во главе с Ксенофонтом из Вавилонии к берегам Черного моря в 401 г. до н.э., не встретившего на своем пути никакого серьезного сопротивления, стали стимулирующим фактором в последующей внешней политике европейцев на Востоке. Ибо с крушением мифа о непобедимости персов, продолжал господствовать небезосновательный миф о несметных сокровищах, которые таит в себе Восток. К IV ст. до н.э. греки, вероятно, уже имели представление об изготовлении шелковых тканей. У Аристотеля в "Жизни животных" имеется такое описание: " Из большого червя, который имеет большие рога, чем он отличается от остальных, в первом превращении получается куколка, затем гусеница и в конце концов, кокон... От этого животного женщины разматывают коконы и затем прядут их" [Лубо-Лесниченко,1994, с.213-214]. Возможно, ученик Аристотеля - Александр Македонский во время восточных походов узнал много нового о шелке, тем более , что он не мог не видеть изделий из него. Однако, по мнению ряда ученых, Ближневосточный и Античный мир задолго до походов Александра Македонского был знаком с китайским шелком.

К. Леман-Хаупт исследовал ткань, найденную при раскопках урартской крепости Топрак-кола, разрушенной в 585 г.до н.э., и сделал вывод о ее китайском происхождении . В окрестностях Афин немецкие археологи обнаружили сосуд с пеплом, завернутым в ткани. Г.Хундт считает, что они были изготовлены из нитей китайского шелкопряда. Могила, где покоился сосуд, датируется последней третью V ст. до н.э. [Лубо-Лесниченко,1994, с.216]. Франкфор А.-П. приводит в качестве примера, демонстрирующего осведомленность Запада в отношении шелка, описанные Геродотом и Ксенофонтом одеяния Медеи. Автор полагает, что они были изготовлены из шелка диких шелкопрядов, различные сорта которого в период VI-IV ст. до н.э. были известны в Индии [Франкфор,1989, с.213].

Как видим, на сегодняшний день проблема происхождения античного шелка и пути его проникновения на Запад в предэллинистическое время пока не решена. Торговые операции греков на азиатских территориях если и имели место, то вряд ли носили регулярный характер. Хотя, нельзя не обратить внимания на высокую активность греческих торговцев в северопричерноморских колониях,

что явилось результатом широкомасштабной торговой экспансии греков не только в средиземноморском, но и черноморском ареалах. Опираясь на ряд отрывочных свидетельств, некоторые исследователи предполагают, что уже в греческое время были известны пути из причерноморских колоний через Предкавказье к Каспийскому и Аральскому морям и далее - к проходами Гиндукуша в Китай [Mahaffi, 1896, p.205]. Считается также, что перечень народов, который приводит Геродот, на пути от Северного Причерноморья к "Рифейским горам" опирается на сведения, полученные от торговцев, ведущих через посредников товарообмен с племенами Урала. Греческие колонии в Крыму и Малой Азии, вплоть до Закавказья стали своеобразными форпостами в европейско-ближневосточной торговле.

Походы Александра Македонского на Восток, по мысли его наставника Аристотеля, должны были привести к утверждению господства свободного духа греков над рабской психологией азиатов. Сложно сказать, к каким историческим коллизиям могла бы привести реализация такого шовинистического проекта. В деятельности Александра Македонского проявилась политика, альтернативная той программе, на которую его ориентировал учитель. Создание огромного государства, объединявшего в своих границах народы как западного, так восточного социокультурных типов, стало едва ли не единственной в истории попыткой примирить Запад и Восток, как два различных образа жизни и мировоззрения.

Непродолжительный опыт соседства разных народов в рамках единой политической системы, от Балкан и Египта до Средней Азии и Северной Индии, не мог, на наш взгляд, не сказаться на генезисе торговых связей между отдаленными областями империи. Во времена Александра и при его преемниках, торговля в эллинистических государствах получает мощный толчок. Завоевание Востока простимулировало приток товаров из Африки, Индии и Аравии в Средиземноморье. Как отмечал Пьер Левек: "Импорт предметов роскоши (слоновая кость, пряности, благовония, жемчуг, драгоценные камни...) повлек за собой дефицит балланса, что вызвало катастрофический отток из Средиземноморья золота и серебра" [Левек, 1989, с.64]. С другой стороны, торговая конкуренция вынуждала совершенствовать технические приспособления, равно как и улучшение техники навигации позволило купцам совершать отдаленные морские путешествия. Важно, отметить тот факт, что строительство портов, беспокойство о состоянии дорог и торговых площадей в городах являлось заботой эллинистических правителей и в целом продолжало политику ахеменидских царей и Александра Македонского, направленную на создание эффективной инфраструктуры международной торговли.

Без сомнения, уже к раннеэллинистическому времени были установлены прямые контакты между странами Восточного Средиземноморья, Средней Азии и Северо-Западной Индии. Далее они только интенсифицировались. Птолемеевский Египет через Красное и Аравийское моря налаживает морскую торговлю с Малабарским побережьем Индии. В начале I тыс.н.э. в римской

Александрии появляются сведения об индийских, бактрийских, скифских купцах; от Восточной и Центральной Европы до Средней Азии, Афганистана и Индии фиксируются находки денариев и ремесленных изделий римских мастеров. В сокровищнице кушанского царя в Беграме (Каписе) были найдены стеклянные изделия из римского Египта или Сирии, гипсовые слепки с изображениями античных божеств, индийская резная кость и китайские лаки [Ставиский, 1990, с.20].

Очевидно, что к рубежу эр был наработан значительный опыт культурно-экономического сотрудничества представителей западного античного общества, через посредство ближневосточно-переднеазиатских торговцев с народами Центральной, Средней и Юго-Восточной Азии. Однако анализ генезиса Великого шелкового пути невозможен без учета формирования коммуникационной сети от Дальнего Востока (Китайского цивилизационного центра опережающего развития) в северном, западном и юго-западном направлениях. Этот процесс осуществлялся, при установлении контактов древних китайцев с номадами Монголии и Восточного Туркестана, а так же связей кочевников друг с другом (юэчжей, усуней и подчинивших их позднее - сюнну-хуннов). К началу правления династии Хань (202 г. до н.э.) фактически складывается единая в пределах Восточной и Центральной Азии система путей сообщения, которая охватывает обширный ареал: от Северного Китая до Амура, Байкала, Минусинской котловины, Алтая, Тянь-Шаня, Памира и Тибета. Истории понадобилось совсем немного времени и к II ст. до н.э. произошла "состыковка" разделявшихся горными массивами западно-среднеазиатской и восточно-центральноазиатской коммуникационных систем. Это стало реальностью, вследствие установления китайской империей прямых политических, торговых и культурных связей с государствами Средней Азии, через Фергану и Таласскую долину.

В 138 г. до н.э. китайский дипломат Чжан Цянь отправился на запад к племени юэчжей, дабы склонить их к войне с племенами сюнну. Во внешней политике император У-Ди руководствовался испытанным методом древнекитайской дипломатии: руками варваров покорять варваров. Поездка Чжан Цяня, свидетельствовала о заинтересованности Китайской империи в поиске союзников и партнеров в Средней Азии. Но миссия растянулась во времени, ибо дипломат попал в плен к сюнну и лишь через десять лет сумел бежать и продолжить свое дело. К тому времени юэчжи находились в Средней Азии, покорив Бактрию. И хотя эта дипломатическая поездка окончилась безрезультатно, для мировосприятия китайцев сведения, собранные Чжан Цянем стали бесспорно полезными.

Во время своего путешествия Чжан Цянь побывал в Фергане (Давань), Бактрии. О последней стране китайский дипломат писал: "Войска их слабы, робки в сражениях. Жители искусны в торговле... столица называется Ланьши. В сем городе есть рынок с различными товарами... купцы ходят торговать в Индию" [История Востока, 1997, с.551]. Общаясь с торговцами, Чжан Цянь собрал сведения об Индии (Шэньду), о Парфии (Аньси); узнал, что Китай многим

народам известен как страна шелка. Возвращался дипломат после первой своей миссии по пути, который в эпоху Ранняя Хань (202 г. до н.э. - 8 г. н.э.) был известен как "дорога цянов". Новые знания значительно расширили географический кругозор китайских правителей, что отразилось на их внешнеполитических планах. С этого времени западные торговые пути стали желанным объектом китайских захватов. Интересы торговли выступают мощным катализатором внешнеполитических процессов в регионе.

Ко II ст. до н.э. сюнну господствовали в Ганьсу - стратегически важном коммуникационном районе. Против них в 121 году до н.э. Китаем был предпринят успешный поход, вследствие которого сюнну оказались вытеснены из Ганьсу и к тому же отрезаны от своих союзников - цянов (племен Тибетского нагорья). Для Ханьской империи была расчищена дорога в Восточный Туркестан. До Дуньхуана началось строительство мощной линии оборонительных укреплений и поселений. Отправляемые в Восточный Туркестан торговые караваны кладут начало интенсивному освоению Китайским государством "Западного края". Фактически, с конца II ст. до н.э. корректно говорить о появлении Великого шелкового пути, как регулярно действующей системы трансевразийских коммуникаций. Выход Ханьского государства на центрально-азиатские трассы создавал потенциально иные условия для получения дохода, а также благотворно сказался на оживлении деятельности торгово-ремесленных центров, расположенных вдоль меридиональных магистралей.

К I-му ст. н.э. устанавливаются систематические торговые отношения между цивилизациями Евразии. Они образуют некую многополюсную макрообщность с развивающимися инфраструктурными связями. Последние нередко нарушались вследствие военных экспансий, но всегда оставались весьма продуктивными, влияя не только на экономическую, но и идеологическую сферы жизни народов, принимавших участие в трансматериковой торговле. Ее функционирование существенно сказалось на жизни кочевых племен. Взаимоотношения между оседло-земледельческими и скотоводческими обществами вышли на иной уровень, ввиду открывшихся возможностей получения дополнительных доходов от торговли. Номады Евразийских степей были активными участниками торгово-обменных операций, испокон веков нуждаясь в товарах земледельческого производства. Занимая центральные области Евразии, они выходили на контакты с цивилизационными центрами от Китая до Центральной Европы. Легко объяснимо желание китайских политиков выйти на среднеазиатские рынки, имея союзников в борьбе с кочевниками. К тому же китайские походы в Восточный Туркестан и Среднюю Азию стимулировались желанием заполучить знаменитые ферганские аргамаки - высоко ценящуюся породу лошадей.

Активная завоевательная политика императора У-Ди (перевод его храмового имени означал "воинственный император"), приведшая к захвату протогосударства Намвьет - на юго-западе, а на востоке - к присоединению части Кореи, проводилась в русле расширения сфер влияния Китайского

государства во всех направлениях. Весьма резко оцениваемые современниками, военные кампании императора У-ди, истощившие казну и вызвавшие социальные потрясения, тем не менее, имели следствием органическое включение Китая в культурно-экономическую структуру Евразии. С ханьского времени китайские источники серьезное внимание уделяют вопросу о дорогах, пересекающих Центральную Азию в западном направлении.

"Хань шу" описывает две основные трассы на Запад: Южную - от Чанъани, вдоль северного склона гор Куньлунь, к юэчжам, в Бактрию и Парфию и Северную, которая начиналась в Турфанском оазисе и следуя вдоль Тянь - Шаня, через Памир достигала районы Нижней Волги и Приуралья [Лубо-Лесниченко, 1994, с.232]. В "Кратком описании Вэй", составленном Юй Хуанем в III ст. н.э. уже фигурирует три дороги: Южная, Средняя и Новая.

По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, во времена Западной Хань Средняя дорога была главной коммуникацией, связывавшей Китай с Ферганской долиной и Согдом. Новая дорога начинает осваиваться при императоре Сюань-ди (74-49 г.г. до н.э.)- время, когда гуннский правитель в Чэши был разбит китайскими полководцами Чжэном и Цзи. Новая дорога становится главной дипломатической и торговой артерией в период Восточной Хань. Исследователь отождествляет Новую дорогу "Вэй люэ" с Северной дорогой "Хань шу". Описание южной трассы в обоих источниках совпадает: от Яркенда путь вел к Ташкургану, оттуда в Вахан. Из Вахана одна дорога шла на запад в Балх и Мерв, затем в Экбатану, Ктесифон и далее по старой ахеменидской дороге в Сирию через торговые фактории Северной Месопотамии. Вторая - на юг к Кашмиру, достигая устья Инда и выводя на морские коммуникации Индийского океана [Лубо-Лесниченко, 1994, с.234].

Эти данные легли в основу распространенной оценки Великого шелкового пути, как единой системы экономических связей Востока и Запада осуществлявшихся по трем основным магистралям. А.А. Иерусалимская делает важное уточнение, характеризуя Среднюю дорогу, по крайней мере до Самарканда, как "исключительно трассу ирано-китайских, а так же ирано-среднеазиатских контактов". По Птоломею, его западный пункт находился у Зевгмы на Евфрате, где организовывается центр сделок по перепродаже шелка. Дальнейший путь на запад для восточных купцов был закрыт [Иерусалимская, 1990, с.56]. Северная и Южная трасса вполне могут рассматриваться, как трассы средиземноморско-среднеазиатской и средиземноморско-восточнотуркестанско-китайской торговли. Они были более протяженными и включали не только сухопутные, но морские коммуникации. Причина такой дифференциации легко объясняется анализом политической ситуации Евразийского континента.

В I-II ст. н.э., по словам Б.Н.Ставиского, впервые в истории возникла макрополитическая система, которая охватила всю цивилизованную полосу Старого Света. Образовывается "квартет четырех империй древности": Римской, Парфянской, Кушанской (большая часть Средней Азии, Афганистана и Индостана) и Китайской. Они вступили в сложные политические,

экономические и культурные контакты друг с другом, что сказалось на состоянии трансконтинентальных коммуникаций [Ставиский, 1990, с.19]. Римско-парфянское военное противостояние препятствовало установлению прямых отношений стран Средиземноморья с Дальним Востоком и Средней Азией, что вынуждало их к эксплуатации путей, не контролируемых Ираном.

Черноморско-северокаспийская магистраль была одной из возможных альтернатив, в обход "иранского барьера". Есть основания полагать, что римская политика утверждения господства в Армении, Иберии и Албании ставила целью сохранять контроль над северным транзитным путем через Каспийское море. Владея акваторией Черного моря, римское государство делало все возможное, дабы закрепиться в Закавказье. Это давало бы не только политические, но и прямые экономические выгоды, избавляя западных купцов от финансово обременительной опеки парфянских посредников при выходе на среднеазиатские рынки. В римско - парфянское время Армения чаще выступала на стороне запада, а после сасанидского переворота 20-х г.г. III ст. н.э. в Иране, армянская династия Аршакидов полностью опиралась на Рим.

Борьба двух мощных государств за обладание Кавказом значительно повысила стратегическую роль кавказских проходов. В то время существовало два основных пути: через Дарьяльское ущелье (по современной Военно-Грузинской дороге) и очень удобный проход через Дербент. Ряд легенд связывает основание города с именем Александра Македонского. Эта версия не находит пока исторического подтверждения.

Античная литература свидетельствует об имевшейся в руках древних авторов информации о Каспийском море. Описание Геродота касается как западных-гористых, так и восточных - равнинных его берегов, при этом упоминаются каспийские морские маршруты [Заходер, 1996, с.287]. Во время похода римского полководца Помпея в 66 г. до н.э. стало известно, о существовании Албанского царства в состав которого входил Дербент [История Востока, 1997, с.538]. Римляне прилагали все усилия, чтобы установить контроль над кавказскими проходами. Император Нерон готовил грандиозный поход в Закавказье. Подчеркивалась цель этого мероприятия: утвердить римское господство на Западном побережье Каспийского моря и осуществить мечту Александра Великого о новых торговых путях через Прикаспий на Восток [Дербенту-5000 лет, 1989, с.18].

В 80-х г.г. IV ст. н.э. Закавказье было поделено между Ираном и Римом на сферы влияния. Сасанидская династия установила контроль над западным Прикаспием. Уже с V ст. н.э. Иранское государство, защищаясь от набегов кочевников из Предкавказья, начинает строительство мощных оборонительных сооружений в Дербенте. Аналогичная причина защиты от варварских германских племен не только своих границ, но и интересов в регионе, заставляла Римское государство напрягать силы в Северо - Западном и Северном Причерноморье.

Согласно выводам В.М.Зубаря, во второй половине II ст. н.э. -- первой половине III ст. н.э. римские войска удерживали Юго-западный Крым от Херсонеса до р. Альмы. Так же под контролем легионеров находилась территория южного побережья Крыма, в ареале между современными городами Алуштой и Севастополем [Зубарь, 1994, с.77]. Однако, присутствие в Северном Причерноморье римских войск является недостаточным аргументом в пользу торгового влияния римлян на транскаспийском участке Великого шелкового пути, с учетом традиционно прочных посреднических позиций в торговле с варварами северопричерноморских колоний. Вероятно, активными агентами торговых операций в регионе были ираноязычные сарматские племена, занимавшие ведущее положение в степях от Приаралья до Дона.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что переселение сарматов в причерноморские степи совпадает с экономическим оживлением античных центров. Это было выгоднономадам, ибо обеспечивало стабильный приток к ним товаров оседло-земледельческого производства [Симоненко, Лобай, 1991, с.81]. Анализируя известное сообщение Страбона о торговле аорсов, авторы делают вывод об участии сарматских племен в торговых операциях с мидийскими и армянскими купцами, которые, выходя в районы Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия "вынуждены были продавать свои товары хозяевам этих мест - аорсам. Перекупая товары у мидян и армян, они затем поставляли их в античные центры Причерноморья и обширные степи, населенные кочевниками" [Симоненко, Лобай, 1991, с.80].

Античная литература имеет отрывочные упоминания, касающиеся северной трассы Великого шелкового пути в этот период. В "Географическом руководстве" Птолемея (сер. II ст. н.э.) сообщается о направлении Волги и впадении в нее Камы. Часть сведений была заимствована Птоломеем у географа I-II ст. н.э. Марина Тирского, который, в свою очередь, пользовался информацией македонского купца Маеса Тициана, отправлявшего торговые караваны к Восточному Туркестану. Л.А. Ельницкий предполагает существование в римско-иранское время дорожников для торговцев, содержащих сведения о пути, идущем от Азовского моря, через степи Нижней Волги, южнее Аральского моря, через Амударью, Хорезм и далее на юго-восток [Ельницкий, 1961, с.200-203].

Весьма любопытен в этом ключе эпизод, связанный с экспедицией Патрокла с целью исследования побережья Каспийского моря, по поручению Селевка I Никатора. Разрабатывавшийся проект прорытия канала между Каспийским и Черным морями, видимо, в первую очередь должен был служить интересам мировой торговли. Плиний Старший (I ст. н.э.), ссылаясь на римского писателя Варрона, дает указания о Черноморско-Каспийской дороге: "Индийские товары, перевозят, через Каспийское море вверх по реке Куре и по суше... они могут прибыть к реке Фазису, которая впадает в Черное море" [Манандян, 1954, с.54].

Наличие связей по транскаспийскому пути в античное время подтверждается археологическим материалом. Китайские зеркала, датированные концом II-I ст.

до н.э. обнаружены у хутора Виноградное (Нижний Дон) и с.Старая Полтавка в Нижнем Поволжье [Синицын, 1946, с.92].. Особо следует выделить материалы Лебедевского могильника - позднесарматского памятника II-IV ст. н.э., расположенного на окраинах Западного Казахстана. Его своеобразие состоит в том, что в захоронениях были обнаружены предметы импорта, как западного происхождения: римские шарнирные эмалевые фибулы, малоазийские амфоры, бусы и пр., так и восточного- среднеазиатского, переднеазиатского и китайского производства: ханьские зеркала, хорезмийская гончарная керамика и т.д. По мнению М.Г.Мошковой, обилие в одном памятнике столь разнообразных предметов может свидетельствовать о том, что кочевой народ, оставивший эти вещи, контролировал, или в какой-то форме участвовал в караванной торговле между Западом и Востоком, по трассе, проложенной от городов Согдианы по бассейну Сырдарьи к Северному Причерноморью с переправой на Волге, а затем выходом к Танаису [Мошкова, 1990, с.37]. При этом необходимо учитывать, что не все комплексы, содержащие импортные изделия демонстрируют чисто торговые связи, иногда причину их наличия в памятниках стоит искать в дипломатических интересах, а потому неоценимую помощь в исследовании дает анализ политических взаимоотношений в регионе, которые в свою очередь влияли на расстановку торговых приоритетов.

К первым столетиям н.э. экономические связи между представителями западных и восточных цивилизаций перестают быть спонтанными, более подчиняясь логике политических и торговых расчетов. В самом глобальном смысле, международная торговля становится делом государства и его административных институтов. В Китае во время правления династии Вэй (220-265 гг. н.э.) наплыв иностранных купцов в столицу, вынудил администрацию принять ряд мер. Каждый купец обязан был получить паспорт-разрешение, в котором помимо его имени, указывалась страна из которой он прибыл, пункт назначения, перевозимые товары, а также перечень сопровождающих лиц [Лубо-Лесниченко, 1994, 251].

Действия китайских властей вызывают справедливое восхищение, с учетом политической обстановки в китайском государстве. Падение дома Хань на рубеже II-III ст. н.э. стало большим, нежели смена одной династии другой. Современники воспринимали это, как наступление хаоса, "смутного века", начало "всеобщей ненависти и вражды" [История Востока, 1997, с.67]. Распри и перевороты продолжались до начала IV ст., когда политическая жизнь Китая развивается в условиях разделения страны на южную и северную части. Признававшие ранее власть дома Хань южные сунну, совместно с другими племенами постепенно занимают и опустошают Северный Китай. "Кочевой" фактор становится особенно актуальным в международной политике с момента попыток создания кочевниками макрогосударственных образований, сперва в пределах Великой степи, а затем и в общеевразийском масштабе, начиная с гунно-тюркской экспансии на запад, положившей конец многовековой гегемонии иранских этносов в Восточно - Европейских степях.

Гунны явились первой волной тюркоязычных этносов в Европе, занимая первоначально пространства Монгольских степей (естественно при условии признания их исторической преемственности с племенами хунну). Уже в период формирования Великого шелкового пути Ханьская империя была вынуждена считаться с гуннским объединением, которое сложилось при шаньюе Тумэне (ум. в 209 г. до н.э.) и распространило свое влияние от Байкала до Великой Китайской стены - при шаньюе Модэ (208- 175 г.г. до н.э.). Вероятно при шаньюе Чжичжи (55-34 г.г. до н.э.) была предпринята попытка установить политическое влияние гуннов на Нижней Волге и Приуралье.

Находки, сделанные в гуннских погребениях Ноин-Улы позволяют говорить о развитых связях гуннов с Китаем и Западными регионами. Среди китайских "подарков" - завуалированной формы дани, к гуннам поступали шелковые ткани, вышивки, ювелирные изделия. По мнению Бернштама, Ноин-Улинские ткани - часть этих дипломатических посылок [Бернштам, 1937]. Японский исследователь Сато Гакэтоси предположил, что гунны в ханьское время вплоть до рубежа эр держали в своих руках посредническую торговлю шелком по пути, который с древности связывал Восточный Туркестан с Северной Монголией, получив в Танское время название Уйгурского [Лубо-Лесниченко, 1994, с.231,262].

По мнению Л.Н.Гумилева, к сер. II ст. н.э. хуннское объединение распадается на четыре ветви: первая подчинилась сяньбийским племенам, вторая (южная) - китайцам; третья - "неукротимые" хунну отступили в Европу, а четвертая "слабосильные" - укрепились в Тарбагатае, а потом- в Семиречье и Джунгарии [Гумилев, 1993, с.200-201]. В результате этих событий, Семиречье входит в зону влияния западных гуннов во главе которых стоял князь Хоянь. Примерно в это же время мы имеем первые свидетельства о гуннах в европейской историографии. Дионисий Периегет около 160г. упоминает гуннов на северном востоке за Каспием. Первые достоверные сведения о гуннах в Европе мы находим у римского писателя конца IV ст. Аммиана Марцеллина, который сообщая о войнах гуннов с аланами и готами, не жалел эпитетов для описания их ужасного облик [Марцеллин, 1908, с.236-243]. Одержав победы над аланами к концу IV ст., гунны распространяют свою власть на Северное Причерноморье, а к сер V ст. н.э. угрожают обоим Римским империям, приведя свои войска в Галлию и Италию. После смерти Атиллы в 453г. гунны отходят из Центральной Европы в Приазовье, уступив ведущие позиции в Восточноевропейских степях племенам авар и болгар.

Достаточно долгое время в исторической литературе господствовала точка зрения, согласно которой приход в Восточную Европу гуннских племен стал причиной упадка ряда античных центров Северного Причерноморья. Однако результаты археологических исследований в значительной мере опровергли это утверждение. Разгром Ольвии и Тиры правильно было бы относить к середине III ст. н.э., вследствие вторжения готов в Причерноморье, а разрушение боспорских городов было связано с событиями 527/528 либо 534 г.г., когда был убит гуннский царевич Горд [Сазанов, Иващенко, 1989, с.84-102]. Это время,

когда вернувшиеся из Центральной Европы гуннские племена смешались с основной массой населения Северного Причерноморья, уже не являясь лидирующим этно-политическим объединением.

Сложно говорить, в какой форме гунны участвовали в торговых взаимоотношениях в регионе. Во время своего продвижения на запад их силы были заняты войной и весьма вероятно, на наш взгляд, что признание их власти городами Северного Причерноморья вполне устраивало гуннских вождей. А наличие в тылу относительно стабильных с экономической точки зрения районов облегчало доставку продовольствия и предметов быта. Вероятно, контроль над международными торговыми коммуникациями являлся одним из источников политической власти и влияния в Степи. С позиции силы кочевникам было легче обеспечивать себя регулярными доходами, получаемыми с оседло - земледельческих народов. Война, как средство демонстрации своих военных возможностей, при условии дальнейших мирных взаимоотношений между кочевыми и оседлыми цивилизациями. Тюрки в полной мере реализовали этот принцип на практике.

В сер. VI ст. н.э. на просторах Великой Степи утверждается власть тюркоязычного народа тюркютов во главе с правящим родом Ашина. После успешных войн с уйгурами и жужанами, тюркский вождь Бумын в 551 г. провозгласил себя каганом. Последующие победы расширили владения тюркютов на всю Центральную Азию от Маньчжурии до Керченского пролива, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Это вызвало массовые переселения угорских и тюркских племен на запад за Волгу [Кляшторный, Савинов, 1994, с.10]. К концу 60-х г.г. VI ст. Тюркский каганат ведет борьбу за контроль над торговыми путями, связывавшими Дальний Восток со Средиземноморьем, и тем самым включается в систему политических и экономических отношений ведущих государств того времени - Византии, Китая и Сасанидского Ирана.

В начале 80-х г.г. VI ст. Первый Тюркский каганат впервые в истории объединяет в рамках одного государственного образования практически весь ареал Евразийских степей, а так же области древних оседлых цивилизаций - Согд и Бухару, которые являлись ключевыми точками на трассе Великого шелкового пути. Международный политический пасьянс лег таким образом, что конкурируя с Сасанидами, тюрки не без влияния согдийских купцов становятся партнерами Византии по налаживанию прямой бесперебойной трансевразийской торговли от Китая к Средиземноморью. Ради этого в 569 г. согдийский купец Маниах прибывает в качестве посла от тюркского кагана в Константинополь, обговаривая в качестве возможного варианта путь через Предкавказье, Северный Прикаспий и Приаралье. Ответное византийское посольство Земарха двигалось по этому маршруту и свидетельствовало о заинтересованности Византии в торговом и политическом союзе с тюрками.

Следует однако отметить, что ко времени правления императора Юстиниана (527-565г.г.) Китай теряет монополию на производство шелка. Весьма

распространенной является точка зрения, что китайцы охраняли секрет его производства. Либо их перехитрили, либо тайна не была за семью печатями. Известно, что в V ст. н.э. культура шелководства достигает Мерва [Массон, 1946, с.47-51]. К этому же времени складывается согдийская школа шелкоткачества.

Это вероятно послужило сильным стимулом поиска согдийцами рынков сбыта своей продукции. Тюрки, с их военно-политической машиной, приходились как нельзя кстати. Геополитическое положение евразийской степной тюркской империи способствовало передвижению через ее территорию самых разнообразных товаров, при этом ведущую роль в посреднической торговле с Китаем выполняли согдийцы, которые в ходе активной колониционной деятельности через Семиречье достигают Монголии и Ордоса.

К началу VII ст. при деятельном участии Китая, объединенного в 80-е г.г. VI ст. под властью династии Суй, Тюркский каганат распадается на Восточно-Тюркский и Западно-Тюркский, при этом племена, ранее подчинявшиеся тюркам (булгары, хазары, а позднее уйгуры и др.) создают свои более или менее устойчивые государственные образования, не прерывая торговых и культурных связей с ведущими цивилизационными центрами.

Если на заре средневековья ведущая роль в международной торговле принадлежала Восточнохристианскому и Ирано-зороастрийскому мирам, то к середине VII ст. динамика контактов определяется потенциями утверждающейся Мусульманской цивилизации. Распространив свою власть на огромной территории от Пиренеев до Средней Азии включительно, с 30-г.г. VIII ст. мусульмане с суши и моря атакуют христианские государства, перехватывая у них торговую инициативу. В раннесредневековом Западнохристианском мире мусульманские и иудейские купцы монополизировали торговлю предметами роскоши. Испанские Омейяды покровительствовали еврейской торговле, аналогичным образом относились к ним Каролинги, которые при нужде в деньгах обращались именно к еврейским ростовщикам [Дживелегов, 1904, с.20].

Справившись со смутами эпохи иконоборчества, Византия с сер IX ст. н.э. возвращается на орбиту активных трансевразийских контактов. Внешнеполитические сношения Византии с государством франков, с Римом, с балканскими странами, с Русью и Кавказом становятся регулярными. Возрастает роль Константинополя, как торгового посредника между Центральной и Восточной Европой с одной стороны и мусульманским Ближним Востоком с другой. Стабилизация политической и экономической жизни Багдадского Халифата способствовала восстановлению традиционных торговых связей по трассам Великого Шелкового пути. С этого времени среднеазиатские территории оказались прочно интегрированы в Мусульманскую цивилизацию, имея через нее выход на весьма отдаленные рынки средиземноморской и европейской торговли.

По сравнению с доисламским временем несколько меняется ассортимент товаров. Помимо традиционного шелка, фарфора, чая, лаковых изделий, рабов и мехов, большую роль начинают играть такие товары, как хлопок, металлы, ковры, в том числе среднеазиатского производства. В это время развивается торговля Мавераннахра и Хорасана с Волжской Булгарией. К ней торговый путь вел по Амударье через Хорезм, разветвляясь на Нижнюю Волгу - к Хазарии, а на Среднюю - к Булгару, выходя на Русь и далее через Новгород к странам Балтийского региона. Китайские, арабские и мавераннахрские купцы проявляли должный интерес к северными маршрутами, ибо Восточноевропейский регион был одним из поставщиков ценной пушнины. В связи с этим неслучайно название, бытовавшее в Ханьском Китае - "меховой путь", по которому из страны Янь, расположенной на Южном Урале и в бассейне Камы, поступала пушнина. На азиатских, как и на европейских рынках наибольшим спросом пользовался соболь, особенно черного цвета. Промысел на него велся в таежной зоне между Северным Уралом и Обью. Из Двинских земель и Печоры поставлялся горностай [Ерманов, 1995, с.22]. Куница с белой грудкой добывалась повсеместно на Урале, в Крыму и на Кавказе, однако лучшей купцами признавалась туркестанская. В средневековом обществе франков аристократия предпочитала мех бобров. Это животное в европейском фольклоре того времени олицетворяло собой готовность к самопожертвованию. Имела хождение легенда о бобре, который сам себя оскотил, когда его настигли охотники. Семенные железы бобров обладали чудодейственным врачевательным средством. Потому спросом пользовался не только мех животного, но и его шулятные яйца. Из волос хвоста бобра и выдры изготавливались рисовальные кисти [Муратова, 1984, с.85]. Меховой экспорт из Восточной Европы так же включал лисицу, белку, рысь и песец.

Все эти данные подтверждают гипотезу, что роль Северной трассы в процессе функционирования средневековой инфраструктуры Великого шелкового пути была весьма значительна. В реконструкции направлений торговых контактов эти материалы являются прекрасной дополнительной информацией.

Уже говорилось о том, что взаимодействие Восточноевропейского и Средиземноморско-ближневосточного регионов с Китаем и Индией осуществлялось при участии государств Средней Азии. Их узловое положение на перекрестии межцивилизационных связей первой половины-середины I тыс.н.э. вызывает особый интерес к этому району, сыгравшему важную роль в системе торговых коммуникаций поздней древности и средневековья. Спецификой указанного региона было то, что он оказался в зоне перекрещивающегося воздействия трех цивилизационных систем: антично-христианского Средиземноморья через Переднюю Азию, индуистско-буддийского и китайско-конфуцианского. При этом Средняя Азия выступала связующим звеном в контактах не только меридионального направления - с Западом на Восток и обратно, но и выполняла роль фокуса транскультурных контактов по линии север-юг. Последнее весьма характерно проявилось в значимой позиции среднеазиатского региона по отношению к кочевому миру Евразийских степей. Естественным следствием указанного положения Средней

Азии была высокая интенсивность междивизиационных контактов, проявлявшая себя в активном обмене товарами и информацией, насыщенностью культурных и экономических отношений. Однако подобная "распахнутость" миру таила в себе одну угрозу - уязвимость и открытость региона для вторжений с разных сторон. Нападения греко-македонцев, Ахеменидов, Сасанидов, арабов - с запада; юэчжей, гуннов, тюркских народов - с севера; китайцев и отчасти монголов - с востока - это неполный перечень тех нашествий, которые довелось пережить народам Средней Азии в древности и средневековье. В конечном счете эти коллизии препятствовали сложению здесь долговечных государств наподобие римского, ханьского или византийского.

Сегодня вполне очевидно, что каждый из более-менее значительных торговых центров, расположенных на трассах Великого Шелкового пути, был не только посредником при передвижении товаров с Востока на Запад или в обратном направлении, но и своеобразным медиатором в коммуникации многочисленных народов, живших по северную и южную, западную и восточную стороны этой трансевразийской магистрали.

В этом отношении характерным является восприятие изобразительных сюжетов центрально- и западноазиатского происхождения такой, в целом весьма самодостаточной и мало склонной к заимствованиям культурой, как китайская. В середине I тыс.н.э. в Китае происходят существенные сдвиги в мировосприятии, связанные с социальными потрясениями и распространением буддизма. Перемены охватывают литературу, изобразительное искусство, архитектуру и музыку, обогащаясь буддийскими элементами. Но выразительно прослеживается и ближневосточное влияние. Так, в шелкоткачестве начинается использование сасанидских орнаментов и мотивов. Однако было бы упрощением считать этот процесс простым заимствованием. Преломляясь через многовековую китайскую культурную традицию, сасанидский орнамент видоизменился. И в этом процессе нельзя не учитывать текстильного опыта согдийских шелкоткаческих центров. Стилизованные изображения многих представителей животного мира - львов, павлинов, пегасов прижились на китайской почве. Но некоторые (например кабанья голова) были отторгнуты. И хотя, по мнению Н.В. Дьяконовой, распространение иранских элементов в китайском производстве шелка происходило в конце VI -- нач. VII ст., осуществилось оно за очень короткий срок - не более двух-трех десятилетий [Дьяконова, 1969]. Причину столь быстрого восприятия инородных традиций, возможно, следует искать в тот период китайской истории, когда отсутствие реальной централизации и стабильности создавало условия для проникновения в Китай культуры народов Центральной Азии и Ближнего Востока. В результате политической деструкции парадоксальным образом открылась возможность культурного синтеза китайского и иранского начал.

Особо следует отметить мощный поток религиозных и философских воззрений, транслировавшихся дорогами Великого Шелкового пути. Проникновение буддизма в Китай явилось прямым следствием развития торговых контактов. Первые буддийские общины в Китае появились в Лояне - главной колонии

западных купцов в Китае. Трансляция этого учения в пределы империи Хань осуществлялась, несомненно, из Центральной Азии, со стороны Кушанского царства, где последователи Гаутамы Будды играли видную роль в духовной жизни с рубежа эр. В то же время торговыми трассами буддизм начинает проникать и в Западную Азию - в пределы Парфянского государства. В конце VI ст. н.э. буддизм вводится в Первом Тюркском каганате, откуда он проникает к народам Южной Сибири, придерживавшихся шаманистических культов, но воспринявших культурные импульсы с Индостана. На поясных наборах енисейских кыргызов встречаются буддийские сюжеты [Савинов, 1989, с.309].

В свою очередь с Ближнего Востока в Центральную Азию и далее до Китая наблюдается распространение манихейства и христианства, преимущественно в несторианской и, отчасти, монофизитской форме. Центром несторианства была Сирия. Его исповедовали и распространяли на востоке сирийские купцы, доминировавшие в торговом отношении на западных трассах Шелкового пути, наряду с армянами и иудеями. Не удивительно, что в раннем средневековье монофизитство и иудаизм проникают в среднеазиатские города, а следы несториан прослеживаются в Китае. Манихейство в 70-х гг. VIII ст. становится государственной религией центральноазиатского Уйгурского каганата, проникая туда из Согда. Далеко на восток распространяется и ислам: силой оружия до Памира и Тянь-Шаня, а далее - через торговлю и культурное взаимодействие. При этом, по справедливому замечанию М.Л.Швецова, зачастую очень трудно археологически засвидетельствовать расселение носителей этих религиозно-философских учений, однако реальное воплощение новых идей в произведениях искусства, в памятниках погребальной обрядности не вызывает сомнений. В качестве примера исследователь приводит образцы глиняных статуэток, изображающих всадника с выбритой головой и косой, идущей от макушки к носу, в материалах раннего средневековья европейских степей, имеющие аналогии в памятниках Средней Азии [Швецов, 1990, с.78].

Тесные межкультурные контакты привели к созданию оригинальных произведений искусства, в которых проявился синкретизм иранской, китайской, согдийской и тюркской культурных традиций. Эти элементы переплелись так тесно, что исследователи "одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, восточным влияниям" [Маршак, 1971, с.50]. Также примечательно, что несмотря на конфессиональные различия, вдоль магистралей Великого шелкового пути, от Передней до Восточной Азии даже вырабатываются общие планировочные черты храмовой архитектуры: целла со святилищем и обходным коридором вокруг. Буддизм и зороастризм, основываясь на несколько иных формах организации ритуального пространства, тем не менее воплощают эту архитектурную схему в пределах Средней и Центральной Азии. [Рахамбабаева, 1990, с.180-181]. Мусульманская цивилизация, устанавливая на первых этапах свое господство силой оружия, впоследствии заново открывает миру достижения греческой науки, распространяет знания индийских математиков - новую десятичную систему счисления, а так же знакомит с опытом медицины. Столетие за столетием, до начала политической деструкции, вызванной монгольскими завоеваниями,

сохранялся дух диалога, способствовавший реализации мирного варианта развития человеческой цивилизации.

Таким образом, можно констатировать, что начало функционирования Великого Шелкового пути, приблизительно на рубеже эр и дальнейшее развитие этой системы коммуникаций стало мощным инструментом экономической и культурной интеграции народов Старого Света. С рубежа эр военное противостояние между восточной и западной цивилизациями (в римско-иранском, византийско-сасанидском, либо христиано-мусульманском вариантах), казалось бы, создавало не самые лучшие условия для торгового и культурного диалога. Однако, парадоксальным образом торговля не только не прекращается, а наоборот интенсифицируются. Невзирая на сложные политические взаимоотношения ведущих средневековых государственных центров, вокруг этой оси трансевразийских связей осуществлялось многогранное торговое и культурное взаимодействие цивилизаций Запада и Востока.

Литература:

Абзураков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. 1963. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Аммиан Марцеллин. 1908. История. Киев. Вып.3.

Аскарлов А. 1973. Сапаллитепа. Ташкент.

Бернштам А.Н. 1937. Гуннский могильник Ноин -Ула и его историко-археологическое значение // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. № 4. Москва.

Васильев Л.С. 1998. История Востока. Москва. том 1.

Горбунова Н.Г. 1990. Роль традиционных путей передвижения скотоводческих племен и сезонных перекочевок в сложении торговых путей древности // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Гумилев Л.Н. 1993. Хунну. Санкт-Петербург.

Деоник Д.В. 1979. Всадническая культура в верхнем Янцзы и восточный вариант звериного стиля // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Москва.

Дербенту - 5000 лет. 1989. Москва.

Дживелегов А.К. 1904. Торговля на Западе в средние века. Санкт-Петербург.

Дьяконова Н.В. 1969. Сасанидские ткани // ТГЭ. Ленинград, вып.10.

Ельницкий Л.А. 1961. Знания древних о северных странах. Москва.

Еманов Е.Г.

1995. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень.

Заднепровский Ю.А. 1990. Фергана на Великом шелковом пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Заходер Б.Н. 1996. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Гумилев Л.Н. Открытие хазарии. Москва.

Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.

Иерусалимская А.А. 1990. К интерпретации главных трасс Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

История Востока. 1995. Москва. том 2.

История Востока. 1997. Москва. том 1.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 1994. Степные империи Евразии. Санкт-Петербург.

Латышев В.В. 1893-1900. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Санкт - Петербург. Том 1.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1994 Китай на Шелковом пути: шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. Москва.

Манандян Я.А. 1954. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (5 в. до н.э.-15 в. н.э.). Ереван.

Маршак Б.И. 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торговле. Москва.

Массон В.М. 1990. Великий Шелковый путь как инструмент экономической и интеллектуальной интеграции // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Массон М.Е. 1946. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда *Vombux mori*. Белек-Фрунзе.

Мошкова М.Г. 1990. Лебедевский могильник и Великий шелковый путь // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Муратова К. 1984. Средневековый bestiary. Москва.

Пьер Левек. 1989. Эллинистический мир. Москва.

Рахамбабаева Н.Х. 1990. Объемно-планировочная композиция храмовых комплексов на торговых путях // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Руденко С.И. 1962. Сибирская коллекция Петра I. Москва-Ленинград.

Савинов Д.Г. 1989. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1989. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. №1

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо - Западного Причерноморья в I в.н.э. Киев.

Синицын И.В. 1946. Сарматская культура Нижнего Поволжья //СА. № VIII.

Ставиский Б.Я. 1990. Великий Шелковый путь - первая в истории человечества трансконтинентальная трасса обмена товарами и культурными достижениями //

Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Франкфор А.П. 1989. Существовал ли Великий шелковый путь во II-I до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма -Ата.

Швецов М.Л. 1990. Трассы Великого шелкового пути во взаимосвязи Востока и Запада // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Шефер Э. 1981. Золотые персики Самарканда. Москва.

Ширинов Т.Ш. 1990. Древнейшие торговые пути Средней Азии (III-II тыс. до н.э.) // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Ташкент.

Янковская Н.Б. 1956. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы // ВДИ. №4.

Alden J.R. 1982. Trade and Politics in Proto Elamite Iran // Carrent Anthropologi. №2. Vol. 25.

Gulati A. 1961. A note on the early history of silk in India // Technical reports on archeological remains. Poona,

Magie D. 1919. Roman Policy in Armenia and transcaucasia. Report of American Historical Association

Mahaffi A. 1896. Greck life and thought from Alex to Roman conquest. Oxford.

Синтаксис сноски:

Л.А. Мамлеева. Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии / Сервер восточноевропейской археологии, (<http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm>).

Источник:

Л.А. Мамлеева. Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии // Vita Antiqua, 2-1999. С. 53-61.